

Научная статья

УДК 94(47):340.6+61(235.55).

doi:10.69541/NRIPH.2026.01.028

Роль ведомственных и земских врачей Пермской губернии в решении судебно-медицинских вопросов (XIX — начало XX века): особенности, практика и проблемы

Надежда Викторовна Пермякова^{1✉}, Константин Анатольевич Пашков²,
Оксана Борисовна Долгова³

^{1,3}ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России, институт
клинической медицины, кафедра патологической анатомии и судебной медицины, Екатеринбург,
Российская Федерация;

²ФГБОУ ВО «Российский университет медицины» Минздрава России, кафедра истории медицины
стоматологического факультета НОИ стоматологии им. А. И. Евдокимова, Москва, Российская Федерация

¹xvost-n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1339-0437>

²7246954@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9155-4006>

³obdolgova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3709-1546>

Аннотация. В статье представлен анализ периода становления судебно-медицинской экспертной практики в Пермской губернии в XIX — начале XX века по результатам исследования архивных материалов. Представлена организация судебно-медицинских деятельности в условиях крупного горнозаводского региона, где медицинское обслуживание осуществлялось в рамках ведомственной и земской моделей. Определено соответствие судебно-медицинских исследований нормативно-правовой регуляции процедуры освидетельствования тел, в частности, исполнению предписаний 154-го артикула Воинского устава Петра I, циркуляров Сената и Министерства полиции. Выявлены ключевые проблемы экспертной практики региона: кадровый врачебный дефицит, недостаток инструментария и специальной литературы, несвоевременность осмотров из-за географической удаленности, а также системные ошибки, связанные с отказом от вскрытий. На основе анализа протоколов аутопсий реконструированы методики исследования, определен объем и качество диагностики причин смерти. Установлено, что, несмотря на отсутствие узкой специализации, уральские врачи применяли системный подход, стремились устанавливать причинно-следственные связи между процессами. Со стороны Врачебных управ имелся ведомственный контроль. Сделан вывод о формировании в уральском регионе регламентированной, но зависимой от личной квалификации эксперта практики, интегрированной в общеимперскую правовую систему и заложившей основы для дальнейшей стандартизации судебной медицины.

Ключевые слова: история судебной медицины, Пермская губерния, свидетельство мертвого тела, земский врач, заводской госпиталь

Для цитирования: Пермякова Н. В., Пашков К. А., Долгова О. Б. Роль ведомственных и земских врачей Пермской губернии в решении судебно-медицинских вопросов (XIX — начало XX века): особенности, практика и проблемы // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2026. № 1. С. 175—180. doi:10.69541/NRIPH.2026.01.028.

Original article

The role of departmental and zemstvo doctors of the Perm province in resolving forensic issues (19th — early 20th centuries): features, practice and problems

Nadezhda Viktorovna Permyakova^{1✉}, Konstantin Anatolyevich Pashkov², Oksana Borisovna Dolgova³

^{1,3}Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Pathological Anatomy and Forensic Medicine, Yekaterinburg, Russian Federation;

²Russian University of Medicine of the Russian Ministry of Health, Department of the History of Medicine, Faculty of Dentistry, A. I. Evdokimov Scientific Research Institute of Dentistry, Moscow, Russian Federation

¹xvost-n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1339-0437>

²7246954@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9155-4006>

³obdolgova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3709-1546>

Annotation. This article presents an analysis of the development of forensic medical examination practice in Perm Province in the 19th and early 20th centuries, based on a study of archival materials. It presents the organization of forensic medical activities in a large mining region, where medical care was provided within the framework of departmental and zemstvo models. The article determines the compliance of forensic medical examinations with the legal regulations governing the examination of bodies, in particular, the implementation of Article 154 of the Military Regulations of Peter the Great and the circulars of the Senate and the Ministry of Police. Key problems in forensic medical practice in the region are identified: a shortage of medical personnel, a lack of instruments and specialized literature, untimely examinations due to geographic remoteness, and systemic errors associated with the refusal of autopsies. Based on an analysis of autopsy reports, research methods are reconstructed, and the scope and quality of cause-of-death diagnosis are determined. It is established that, despite the lack of specialized expertise, Ural physicians applied a systematic approach and sought to establish cause-and-effect relationships.

fect relationships between processes. Departmental oversight was exercised by the Medical Boards. A conclusion was reached regarding the development of a regulated practice in the Ural region, dependent on the personal qualifications of the expert, integrated into the imperial legal system and laying the foundation for the further standardization of forensic medicine.

Key words: *history of forensic medicine, Perm province, death certificate, zemstvo doctor, factory hospital.*

For citation: Permyakova N. V., Pashkov K. A., Dolgova O. B. The role of departmental and zemstvo doctors of the Perm province in resolving forensic issues (19th — early 20th centuries): features, practice and problems. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health.* 2026;(1):175–180. (In Russ.). doi:10.69541/NRIPH.2026.01.028.

Введение

В XIX — начале XX века Пермская губерния представляла собой крупный горнозаводской центр Российской Империи [1], где медицинская помощь работающему на заводах населению оказывалась в системе ведомственной медицины; явление носило системообразующий характер, определяя доступность медицинской помощи для значительной части населения [2—4]. Земская медицина предоставляла помощь крестьянам, ведомственная — рабочим и служащим конкретных казенных заводов и предприятий; обе системы существовали параллельно [5]. Ведомственная медицина была частью социальной инфраструктуры завода, обеспечивала относительно высокий уровень медицинской помощи для рабочих, в то время как земская медицина решала задачу охвата медицинской помощью сельского населения Пермской губернии [6]. Несмотря на разветвленную сеть медицинских учреждений, ощущался «кадровый голод», так как в регионе отсутствовали образовательные организации для подготовки врачей и систематического повышения квалификации приезжих врачей [7]. Деятельность медицинской службы определялась лечебной практикой: санитарным надзором за условиями труда и быта рабочих (проветривание шахт, качество воды, чистота бараков), противоэпидемическими мероприятиями (организация карантинных, «оспопрививание», вскрытие тел трупов животных), ведением медицинской статистики и отчётности для владельцев заводов и государственных органов, решением судебно-медицинских вопросов.

Настоящее исследование посвящено выявлению и анализу организационно-правовых и практических особенностей становления судебно-медицинской экспертизы в Пермской губернии в XIX — начале XX века в контексте её интеграции в общееимперское правовое поле.

Материалы и методы

Основными источниками для работы послужили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Корпус источников включал фонд Старшего врача Екатеринбургских заводов, нормативные акты (указы Правительствующего Сената, циркуляры Министерства внутренних дел и полиции, предписания губернских и заводских канцелярий), журналы заседаний Пермской врачебной управы, протоколы осмотров и вскрытий («свидетельства мертвых тел»), а также служебную переписку медицинских и судебных учреждений. Методологическую основу исследова-

ния составил комплекс исторических методов: историко-системный анализ для изучения взаимодействия нормативной базы, ведомственных структур и врачебно-экспертной практики; историко-генетический метод для выявления эволюции процедур и подходов; а также тематический анализ конкретных случаев, позволивший оценить реальное качество и проблемы врачебных исследований мертвых тел и освидетельствования живых лиц. Критическое источниковедческое изучение документов обеспечило реконструкцию исследуемых процессов.

Результаты и обсуждение

В архивных материалах представлены нормативные акты, регламентировавшие порядок проведения врачебных осмотров тел умерших. В качестве примера представлен Указ Главной конторы Екатеринбургских заводов заводскому штаб-лекару Ивану Федоровичу Варвинскому¹⁷⁸ (имеющему в 1816 году должность медицинского инспектора¹⁷⁹) «О употреблении медицинскими чиновниками освидетельствований мертвых тел под присягою». Документ являлся резолюцией на предписание Пермского губернского правления, которое, в свою очередь, излагало решение Правительствующего Сената от 2 декабря 1810 г. (за № 1071). Сенатом были утверждены следующие положения: 1) освидетельствование под присягой требовалось исключительно по делам, подпадающим под юрисдикцию Воинского устава¹⁸⁰ (Гл. 19, Арт. 154); 2) без присяги вскрытие проводилось в сомнительных случаях, чтобы установить неестественную смерть; 3) наружного осмотра трупа было достаточно при очевидных причинах (например, колото-резаные, рубленые или огнестрельные раны) или при сильных гнилостных изменениях, когда «смрадный запах мешал исследованию». В этих случаях установление обстоятельств смерти входило в обязанности полиции («зависит от полицейского и свидетелей»). Если врачи и лекари сомневались в правильности своих действий, они вправе были требовать от Врачебной управы разъяснений по порядку вскрытия трупов¹⁸¹.

¹⁷⁸ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 40. Оп 1. Д. 30. Л. 94—99.

¹⁷⁹ ГАСО Ф. 40 Оп. 1 Дело. 42 Л. 54

¹⁸⁰ Книга устав воинских: Купно при сем Артикул воинских. И с процессом надлежащим к судящим, и Эксерцициею, о церемониях и должностях воинским людям надлежащих. / Петр; имп.; Мальцев Паисий Михайлович; Вахромеев Иван Александрович; Петр I, Мальцев, Паисий Михайлович, Вахромеев, Иван Александрович. — СПб. : В Санкт-петербургской типографии, 1719-10-29. — 215. Цифровая копия, <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-ustav-voinskii-3> (дата обращения 07.10.2025).

В малых поселениях Пермской губернии при отсутствии врача первичный осмотр тел мог проводить волостной старшина¹⁸², а священник, при обряде отпевания — заметить повреждения¹⁸³. Обнаружив признаки насильственной смерти, они были обязаны приостановить погребение, не вносить запись в метрическую книгу и немедленно уведомить полицию. Дальнейшее расследование передавалось судебному следователю, который назначал официальный осмотр и выносил решение о необходимости судебно-медицинского вскрытия для установления точной причины смерти.

В системе медицинского администрирования Пермской губернии с начала XIX века существовал институт обязательного надзора за производством, содержанием и выводами медицинских освидетельствований и вскрытий мертвых тел. Аудит проводился как в текущем времени, так и после поступления предписаний от Окружных, Военных и Уездных судов на действия врача¹⁸⁴. Функции контроля были возложены на Пермскую губернскую врачебную управу, а впоследствии — на созданное на ее основе Врачебное отделение Пермского губернского правления. Анализ архивных журналов заседаний врачебной управы позволил реконструировать практику надзора по многочисленным сообщениям — случаям. В ходе коллегиального рассмотрения члены управы регулярно выявляли недостатки в работе медицинских чинов. Большое количество замечаний было связано с некорректным оформлением документации и неполнотой проведенных исследований. Критике наиболее часто подвергались случаи немотивированного отказа от проведения вскрытия и исследования внутренних органов, что трактовалось надзорным органом как прямое нарушение предписаний 154-го артикула Воинского устава Петра I, регламентировавшего процедуру исследования тел «при наличии наружных знаков» насилия: предписывали «свидетельства мертвых тел чинить согласно правилам судебной медико-хирургической науки и по положению 154 артикула Воинского Устава 1716 года, а копию с данными ими свидетельств присылать во врачебную управу... (1809 г.)»^{185, 186}. Циркуляр Министерства полиции от 2 декабря 1811 г. № 984 как инструмент регламентации деятельности зарождающейся судебно-медицинской экспертизы в Российской империи, изданный Департаментом медицинских дел Министерства полиции, являлся важным нормативным актом начала XIX века, направленным на упорядочение процедуры освидетельствования мертвых тел¹⁸⁷, регламентировал порядок проведения осмотра тел («свидетельства мертвых тел») в случаях, когда эта обязанность возлагалась на вольнопрактикующих врачей

(частных докторов). Ранее действующее предписание от 23 сентября 1811 года обязывало частных врачей проводить осмотры тел в населенных пунктах, где не было штатного уездного лекаря, последний был болен, в отпуске или на учебе. На практике врачи могли проводить осмотры единолично, без участия официальных лиц. Это определяло риск фальсификаций, ошибок, исчезновения вещественных доказательств и, как следствие, «немалых затруднений» при последующем судебном разбирательстве. Для устранения рисков циркуляр ввел обязательную процедуру при исследовании участия свидетелей и представителей власти. Осмотр с этого времени начал проводиться в обязательном присутствии представителей земской полиции (низшего звена местных органов правопорядка). Если обстоятельства требовали проведение немедленного осмотра (например, риск быстрого гниения тканей при условиях жаркой погоды в летнее время), а прибытие полиции откладывалось, допускалось проведение процедуры при участии старосты (главы местного самоуправления) и посторонних незаинтересованных свидетелей. На основании полученного циркуляра из Главной Екатеринбургской заводской конторы в отношении инспектора по медицинской части в системе ведомственной медицины (т. е. заводским врачам) рассылалось указанное предписание (№1216 от 1812 г.)¹⁸⁸ о свидетельстве мертвых тел в присутствии земской полиции, сотников, старосты или посторонних людей. Таким образом, полиция совместно с Врачебной Земской управой стремились унифицировать и поставить под административный контроль ключевой этап досудебного расследования — осмотр мертвого тела, что должно было обеспечить законность, прозрачность и достоверность производимых действий, а их результаты — иметь юридическую силу в суде.

Циркуляр Правительствующего сената на имя Гражданского Губернатора от 18 марта 1811 года за № 194, являлся реакцией высшего органа власти на системные недостатки в работе медицинских чиновников¹⁸⁹. В документе констатируется, что «по многим уголовным делам лекарские свидетельства весьма слабые и не заключающие точного удостоверения о причине смерти». Формулировка указывает, что заключения врачей (лекарей) часто носили поверхностный, декларативный характер и не содержали исчерпывающих, объективных данных, необходимых для ведения следствия и вынесения судебного решения. В связи с вышесказанным Сенат предписывал: «...я прошу Ваше превосходительство предписать Врачебным управам, вверенным управлению Вашего Губернатору, медицинским чиновникам, чтобы они при анатомировании скоропостижно умерших изыскивали точную причину смерти... употребляли всевозможную ясность в познании причины смерти или других неоднозначных случаях...». Таким образом, проанализированный документ отражал стремление повысить доказатель-

¹⁸¹ Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф 673. Оп.1. Д.6. Л. 36,37

¹⁸² ГАСО. Ф.11. Оп.5. Д. 148. Л. 2

¹⁸³ ГАСО. Ф.11. Оп.5. Д. 134. Л. 2

¹⁸⁴ ГАПК. Ф. 673. Оп.1. Д. 11. Л. 38,62

¹⁸⁵ ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 12. Л. 107,127, 190

¹⁸⁶ ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д.11. Л. 38, 62, 276

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 40 Оп.1 Д. 35. Л. 109.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 40 Оп.1 Д. 35. Л. 110

¹⁸⁹ ГАСО Ф. 40. Оп. 1. Д. 34. Л. 49

ственную ценность медицинских заключений, превратив их из формальной «слабой» справки в научно обоснованный документ, отвечающий потребностям судопроизводства XIX века.

Несмотря на существовавшую в практике российской медицины XIX века возможность установления причины смерти на основании исключительно наружного осмотра в случаях с очевидной причиной смерти, часть врачей Пермской губернии все же прибегала к проведению полного наружного и внутреннего исследования. Указанный подход, с одной стороны, можно рассматривать как стремление врачей к повышению профессиональной квалификации в области анатомии, патологической морфологии и судебной медицины. С другой стороны, определяется тенденция к укреплению доказательной базы при судебных разбирательствах за счет получения объективных медицинских данных. Иллюстрацией такого подхода является архивное врачебное свидетельство 1812 года, направленное в Екатеринбургский Земской Суд заводским лекарем Зубринским¹⁹⁰. В документе подробно описаны результаты исследования трупа «...смерть наступила от нѣизбѣжно смѣртѣльной ранѣ мозга и проломлѣнныхъ вышесказанныхъ костѣй тупоострымъ орудіямъ...». Таким образом, на основании проведенного исследования лекарь Зубринский заключил, что смерть наступила в результате несовместимой с жизнью проникающей черепно-мозговой травмы, причиненной тупоконечным острым предметом. Кроме установления причины смерти, врач провел идентификацию травмирующего орудия по характеру раны и повреждений костей, что имело ключевое значение для последующего судебного расследования, а также установил относительную давность образования повреждения — «свежая рана», т. е. смерть последовала вскоре после причинения повреждения. Таким образом, исторический пример демонстрирует раннее становление принципов объективизации диагноза, основанного не на предположениях, а на данных детального исследования трупа.

Анализ архивных документов Пермской губернской врачебной управы позволил выявить системную проблему — отказ от производства вскрытий, который определял недостоверное установление причины смерти. Отсутствие исследования внутренних органов лишало следствие объективного медицинского заключения, что приводило к ошибочным решениям. Иллюстрацией данной практики служит случай, зафиксированный в Указе Пермской палаты уголовного суда от 20 февраля 1808 г. за № 185 — проступок Чердынского лекаря Баженова. В своем заключении о смерти крестьянина, скончавшегося на четвертые сутки после драки, лекарь констатировал наличие признаков насилия — «наружные знаки»: «...кругъ правого глаза сине-багровое пятно подобно как от удара или ушиба, вокруг шеи и вся грудь синяя». Несмотря на объективные данные, причиной смерти было указано «излишнее

употребление вина», что противоречило требованиям 154-го артикула Воинского устава. При этом, наличие наружных признаков травмы и обстоятельства (факт драки) с высокой долей вероятности указывали на механическую травму. Дифференциальная диагностика должна была включать черепно-мозговую травму (например, вследствие удара нападавшим), повреждения органов шеи (асфиксию, аспирацию крови) или иное осложнение травмы. Однако отказ от полного исследования внутренних органов лишил «свидетельство мертвого тела» ключевых доказательств. Таким образом, невыполнение вскрытия привело к подмене объективного медицинского вывода предположением, основанным на констатации факта алкоголизации. Это, в свою очередь, предопределило ошибочный вектор дальнейшей проверки и всего последующего судебного делопроизводства, исключив возможность привлечения виновного к ответственности за причинение смерти и создав прецедент судебной ошибки вследствие неполноты экспертного заключения. Выявлены ошибки и в установлении причины смерти при осмотре трупа с явными и выраженными поздними признаками гниения, когда была определена причина смерти как «апоплексия»¹⁹¹. В некоторых случаях отравлений «горячим питием» врач при наличии возможности не вскрывал труп и материал для судебно-химического исследования не направлял¹⁹².

Установление причины смерти не являлось единственной задачей для врача в начале XIX века после исследования трупа. В ряде случаев от медицинского чиновника требовалось проведение более сложного анализа, включавшего установление давности образования повреждений и определение причинно-следственной связи между травмой и наступившим летальным исходом. Примером служит случай освидетельствования тела женщины, подробно документированный в мае 1835 года¹⁹³. В указанный период Пермская врачебная управа направила предписание старшему инспектору Екатеринбургских заводов с требованием предоставить разъяснения по поводу «Свидетельства», составленного лекарем Федором Борисовичем Игнатъевским по факту смерти жены, предположительно скончавшейся от побоев. В ходе изучения и обсуждения документа Врачебная управа установила существенное упущение: «врач не объяснил в свидетельстве, сколько прошло времени от причиненных побоев означенной до ее смерти». Управа акцентировала внимание на то, что даже если «оказавшиеся при осмотре «знаки» не могут быть признаками непосредственной причины смерти», хронология событий требует обязательного установления. В ответ на данный запрос лекарь Ф. Б. Игнатъевский представил рапорт, в котором указал, что «от причиненных... Марфой П. побоев до ее смерти прошло времени одиннадцать дней». Данное уточнение стало ключевым для переоценки случая. Несмотря на то,

¹⁹¹ ГАПК. Ф.673. Оп.1. Д.12. Л.110

¹⁹² ГАПК. Ф.673. Оп.1. Д.12. Л.181

¹⁹³ ГАСО. Ф.40. Оп.1 Дело 63, Л.2

¹⁹⁰ ГАСО. Ф.40 Оп.1 Д.35. Л.20,21.

что лекарь в своем первоначальном заключении определил причиной смерти — «воспалительную горячку», высшая медицинская инстанция усмотрела потенциальную этиологическую связь между травмой и болезнью. В предписании Уральскому горному правлению, направленному через штаб-лекаря Устинова, Пермская врачебная управа указала: «...хотя оказавшиеся знаки не могут быть признаками непосредственного причинения смерти ее, однако... имеется сомнение и влияние побоев на последовавшую воспалительную горячку, от коей, как заключил лекарь, приключилась смерть». Таким образом, данный случай демонстрирует, что уже в 1830-е гг. в практике отечественной судебной медицины предпринимались попытки не просто констатировать факт, но и реконструировать патогенез прижизненных процессов, анализируя временной интервал между травмой и летальным исходом для установления опосредованной роли внешнего воздействия в развитии фатального патологического процесса.

В сельской местности Пермской губернии вскрытия мертвых тел часто проводились вне специальных помещений. Местом процедуры могли служить дом или двор умершего, временная могила, территория храма, берег реки или иная открытая местность^{194,195,196,197}. При этом в регионе уже существовали специализированные помещения при медицинских учреждениях, предназначенные для подобных исследований. При имеющихся медицинских учреждениях региона были организованы специализированные помещения, предназначенные для проведения исследования тел умерших. В архивных документах¹⁹⁸ представлены следующие номенклатурные обозначения — «покойницкая», «кадаверная», а также «анатомическая палатка», «кадаверные покои»¹⁹⁹ при госпиталях, «усыпальница земской больницы»²⁰⁰.

Частое отсроченное прибытие медицинского персонала на случаи, требующие судебно-медицинского освидетельствования тел, было обусловлено спецификой географического положения Пермской губернии и инфраструктурных особенностей. В связи с вышесказанным осмотра и исследование трупов врачами проводились несвоевременно. Имеются указания на исследования трупов как в тот же день, так и через 31 день^{201, 202} после смерти. Однако время года (зима, весна и поздняя осень на Урале с низкими температурами окружающего воздуха) и наличие «временных могил», позволяли сохранять трупы до приезда врача.

В архивных материалах представлены многочисленные предписания врачам, которые в нарушение

действовавшего законодательства систематически делегировали полномочия по свидетельству мертвых тел лекарским ученикам. В части случаев врачи вовсе уклонялись от осмотра мертвых тел. Основной причиной подобной практики являлась высокая занятость врачей лечебной работой или временная нетрудоспособность. Пример ответа штаб-лекаря о причинах отказа от осмотра трупа «...хотя и был требован к освидетельствованию мёртвого тела, но был одержим в это время колочением в груди и претерпевал жесткие припадки, затем и не смог выехать...»²⁰³. Врачебная управа, фиксируя нарушения, регулярно инициировала циркуляры, в которых подчеркивалась недопустимость проведения осмотра мертвых тел лицами, не имеющими надлежащей квалификации и юридического права на производство подобных осмотров.

Заключение

Зарождающаяся судебно-медицинская экспертиза XIX века в Пермской губернии не была лишена недостатков и характеризовалась отсутствием единых методических подходов, значительной зависимостью качества исследований от персональной квалификации врача и лишь начальным этапом формирования экспертного подхода к установлению причины смерти и механизма травмы. К началу XX века в Пермской губернии постепенно сложилась судебно-медицинская экспертная практика, интегрированная в общеимперское правовое поле и характеризующаяся строгой централизованной регламентацией, элементами ведомственного контроля и началом формирования доказательного, научнообоснованного подхода в практике врачей при отсутствии у них узкой профессиональной специализации по судебной медицине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробков А. И. К истории Перми и Пермской губернии. *Технологос*. 2011;(4):45—50.
2. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург; 2017.
3. Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Земская и горнозаводская медицина Пермской губернии в 1870-1880-х годах: начало взаимодействия. *Научный диалог*. 2019;(12):447—457.
4. Черноухов Д. Э. Проблемы найма и адаптации врачей в уездных земствах Пермской губернии. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019;62(5):31—38.
5. Копырина Сардаана Николаевна Становление медицинского дела на казенных заводах Урала первой половины XVIII в. (по документам государственного архива Свердловской области). *Научный вестник Крыма*. 2019;21(3):14.
6. Черноухов Э. А. Екатеринбургский горный госпиталь в XIX в. *Документ. Архив. История. Современность*. 2017;(17):95—103.
7. Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской). 1864—1900. Пермь: Пермский университет; 2003.

REFERENCES

1. Korobkov AI. To the history of Perm and the Perm province. *Tekhnologos*. [Technologos]. 2011;(4):45—50 (in Russian).
2. Chernoukhov EA. Social infrastructure of the mining districts of the Urals in the 19th century: state and private types: dissertation

¹⁹⁴ ГАСО. Ф 11. Оп.5. Д 52. Л. 56

¹⁹⁵ ГАСО. Ф.11. Оп. 5. Д. 619. Л. 318

¹⁹⁶ ГАСО. Ф.11. Оп. 5. Д. 66 Л. 69

¹⁹⁷ ГАСО. Ф 11. Оп.5. Д. 92. Д. 93

¹⁹⁸ ГАСО Ф 11. Оп.6. Д. 60. Л. 55

¹⁹⁹ ГАСО. Ф.11. Оп.7. Д.102. Л. 128.

²⁰⁰ ГАСО. Ф.11. Оп.6. Д.164. Л. 60

²⁰¹ ГАСО. Ф 11. Оп.7. Д. 819. Л. 50

²⁰² ГАПК. Ф 673. Оп. 1. Д. 12. Л. 23

²⁰³ ГАПК. Ф 673. Оп.1. Д.8. Л 198,199,210

- ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02. Ekaterinburg; 2017 (in Russian).
3. Chernoukhov DE, Chernoukhov EA. Zemstvo and mining medicine in the Perm province in the 1870s-1880s: the beginning of interaction. *Scientific dialogue. [Nauchnyi dialog]*. 2019;(12):447—57 (in Russian).
  4. Chernoukhov DE. Problems of hiring and adaptation of doctors in district zemstvos of the Perm province. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University. [Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]*. 2019;62(5):31—8.
  5. Kopyrina SN. Formation of medical affairs at the state-owned factories of the Urals in the first half of the 18th century (based on documents from the State Archive of the Sverdlovsk region). *Scientific Bulletin of Crimea. [Nauchnyi vestnik Kryma]*. 2019;21(3):14 (in Russian).
  6. Chernoukhov EA. Ekaterinburg Mining Hospital in the 19th century. *Document. Archive. History. Modernity. [Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost]*. 2017;(17):95—103 (in Russian).
  7. Shestova TYu. Development of healthcare in the Ural provinces (Perm, Vyatka and Orenburg). 1864—1900]. Perm': Perm University; 2003.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 14.01.2026; accepted for publication 24.02.2026.